

Interpone tuis interdum gaudia curis

СУББОТНИК НГ

МАЙ - 2001

Еженедельное приложение к «НГ»

№ 17 (64), 5 мая 2001 г.

Выходит с января 2000 г.

● ВСЕ О СТУЛЬЯХ

стр. 11

ТВ ТЕЛЕПУЗИКИ
ДЕЛАЮТ БУДУЩЕЕ

стр. 12

ТВ ТЕЛЕПРОГРАММА НА НЕДЕЛЮ

стр. 13-14

● ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ПОЧТА «НГ»

стр. 15

● АФИШНАЯ ТУМБА

стр. 16

«МНЕ ВСЕГДА ИНТЕРЕСНО
ИГРАТЬ СУДЬБУ»

Признается «поздний шестидесятник»

Игорь Костолевский

Независимая пресса - 2001 - 5 мая с. 9

Екатерина Лишанкова

Спектакли с участием Игоря Костолевского заранее обречены на успех. Тому подтверждение — идущие на сцене Театра им. Вл. Маяковского «Кин IV», «Кукольный дом» и, конечно, премьерные «Загадочные вариации». В Театре на Покровке Костолевский играет в «Женитьбе». За роль Подколесина в спектакле Сергея Арцибашева актер получил в прошлом году Государственную премию. А еще наши шумевшие проекты «Орестея» Пестера Штайна и «Арт» по пьесе Ясмены Реза в постановке Патриса Кербрата. Прибавьте к этому незабываемых киногероев из фильмов «Звезда пленительного счастья», «Тегеран-43», «Безымянная звезда», «Законный брак» и работу в недавней скандальной премьере — российско-итальянском фильме «Московская красавица», и вы получите внушительный список незаурядных актерских работ. Все это и послужило поводом для нашей встречи с народным артистом Игорем Костолевским. Особенно сейчас, когда всех облетела новость о недавней женитьбе на французке.

ИГОРЬ МАТВЕЕВИЧ, буквально все ваши работы в театре за последние годы не остались без внимания и критики, и зрителей. Я уже не говорю о кино, где у вас вообще нет «проходных» ролей. В чем секрет?

— Это не совсем так. Конечно, проходные роли случались, без этого не бывает... Мне всегда интересно играть судьбу. Я, знаете, такой ползучий реалист — меня больше интересует процесс, нежели результат. И мне повезло, что мои последние работы — это не просто роли, но некие судьбы. Знаете, я люблю театр, где я смеюсь и плачу. К сожалению, в наше время в театре появилось невероятное количество умельцев и имитаторов. Они вроде бы плачут на сцене, а у меня, сидящего в зале, в душе — то холод. Их слезы не добьют некой болью человеческой, не оплачены судьбой, и это всегда видно. Например, когда на сцене играл Олег Борисов, я по-

нимал, что человек в это вкладывает душу и сердце. Это — настоящее служение. И Андрей Александрович Гончаров учил меня тому, что на сцену надо выходить не только для того, чтобы просто передавать эмоции. И потому я всегда стараюсь не быть прокурором своей роли. Я пытаюсь оправдывать своих героев.

— Ваши роли и отличает исповедальность, глубина. Как вы думаете, откуда к вам это пришло?

— Может быть, потому, что я — поздний шестидесятник. Я в свое время окупился в тогда запрещенную литературу. Возможно, это меня и воспитало так, что роль я должен прежде всего пропустить через себя.

— Получается замкнутый круг — у вас действительно не может быть много ролей. Ведь «пропускать через себя» иногда диаметрально разные судьбы просто невозможно.

— Я как-то одному критику в молодые годы очень жаловался, что я, мол, мало играю. На что он мне резонно сказал: «А кто сказал, что ты должен много играть? Зато будешь много играть стариков». Ведь роли не возникают просто так. Они даются судьбой.

— Правда ли, что ваши отношения с режиссером Гончаровым складывались не лучшим образом? Ведь вы практически не играли в его спектаклях.

— Да. При всем при том, что Андрей Александрович был моим педагогом, и я ему очень благодарен за школу, но в его спектаклях я почти не играл. Я работал с другими режиссерами. Возможно, я — не его артист. Но я не сожалею об этом. Моя неостребованность помогла поехать в свое время в Норвегию играть «Орестею» на французском и норвежском языках. Потом уже была «Орестея» Петра Штайна. Моя жизнь складывалась таким образом, что с 90-го года я мало что делал в Театре имени Маяковского. Вообще очень точно про мое существование в этом театре написал Михаил Швыдкой в статье из книги об актерах Театра имени Маяковского. А открыл меня как театрального актера Боря Морозов в спектакле «Смотрите, кто пришел». В меня ведь никто не верил! Все считали, и мои коллеги в том числе, что я существую только благодаря «Звезде пленительного

счастья». И это было стойкое мнение. Поэтому, когда Боря Морозов взял меня на роль в тот спектакль, его отговаривал даже Андрей Александрович! Ну и многие мои коллеги тоже. Дай Бог им здоровья! Я все равно замечательно к ним отношусь.

— А почему же Борис Морозов их не послушался?

— Не знаю. Наверное, потому, что Режиссер... Художник... С тонким хорошим вкусом (*улыбается*). В общем, сам удивляюсь.

— Ваша последняя работа в кино — это главная роль в российско-итальянском фильме «Московская красавица» по роману Виктора Ерофеева «Русская красавица». Почему вы согласились участвовать в этом проекте?

— Наверное, потому, что больше не из чего выбирать в то время. Мне принесли совместный сценарий Виктора Ерофеева и итальянского режиссера, фамилия которого мне была неизвестна. Сценарий сильно отличался от прозы Ерофеева. При всем при том, что эту картину ругают и предъявляют к ней много претензий, я вам скажу так: мне не стыдно за то, что я сделал. Я перед собой честен, потому что я профессионально сделал свое дело. Сейчас нет ничего проще, чем начать «поливаться» режиссуре. Я не буду этого делать. Режиссер ничего не понимал в наших реалиях. Я не думаю, что он умышленно пытался дискредитировать нашу жизнь.

И вообще, я взрослый человек и я согласился сыграть в этом фильме. Может быть, сейчас я на какие-то вещи и не пошел бы. Но это не важно. Важно то, что там тоже есть судьба. Даже судьба целого поколения людей. И дело ведь не в том, что герой помер от какой-то сумасшедшей любви! А в том, что нельзя любить во лжи. Если ты врешь, то расплата придет обязательно, уверяю вас. Если бы у меня была возможность сыграть такую судьбу в нашем кинематографе, я бы, конечно, это сделал. И потом, это был интересный актерский опыт. Кстати, поскольку этот фильм будет показываться здесь, то у режиссера Константина Худюкова и у Виктора Ерофеева совместно с продюсерами родилась идея этот материал переложить — ввести туда самого Ерофеева в роли автора и

приблизить сюжет к книге. И Ерофеев будет играть самого писателя!

— А вам самому нравится проза Ерофеева?

— Что-то мне нравится больше, что-то меньше. Но бесспорно, что он человек талантливый.

— Игорь Матвеевич, как же быть с ситуацией, когда нет хороших сценариев?

— Почему нет? Например, сериал «Самозванцы», в котором я играю. На мой взгляд, это вполне достойное кино. Сейчас мы будем снимать продолжение. В этом фильме потрясающая работа Ульянова, очень сильный актерский состав и прекрасная режиссерская работа Константина Худюкова. У сериала очень высокий рейтинг. И при всем при этом нет ни одной рецензии!

— Как вы думаете, не связано ли это с всеобщим настроением? Ругаем мы с удовольствием, а хвалить как-то не привыкли...

— Да, может быть. Сегодня не признается серьезность разговора. Все решает тусовка: если мы с тобой дружим и мы в тусовке, то по определению мы талантливы. Но ведь такого никогда не было! Трудно представить эту ситуацию еще 10 лет назад. Как только начинаешь что-то серьезное и глубокое — не надо. Надо повеселить и погорячить. Надо чем-то удивить. А зачем удивлять-то? Ведь все равно большинство людей хотят жить, воспитывать детей, читать книги, думать о жизни. И приходит они в театр за светом и надеждой.

— Игорь Матвеевич, а что является вашими духовными наставниками?

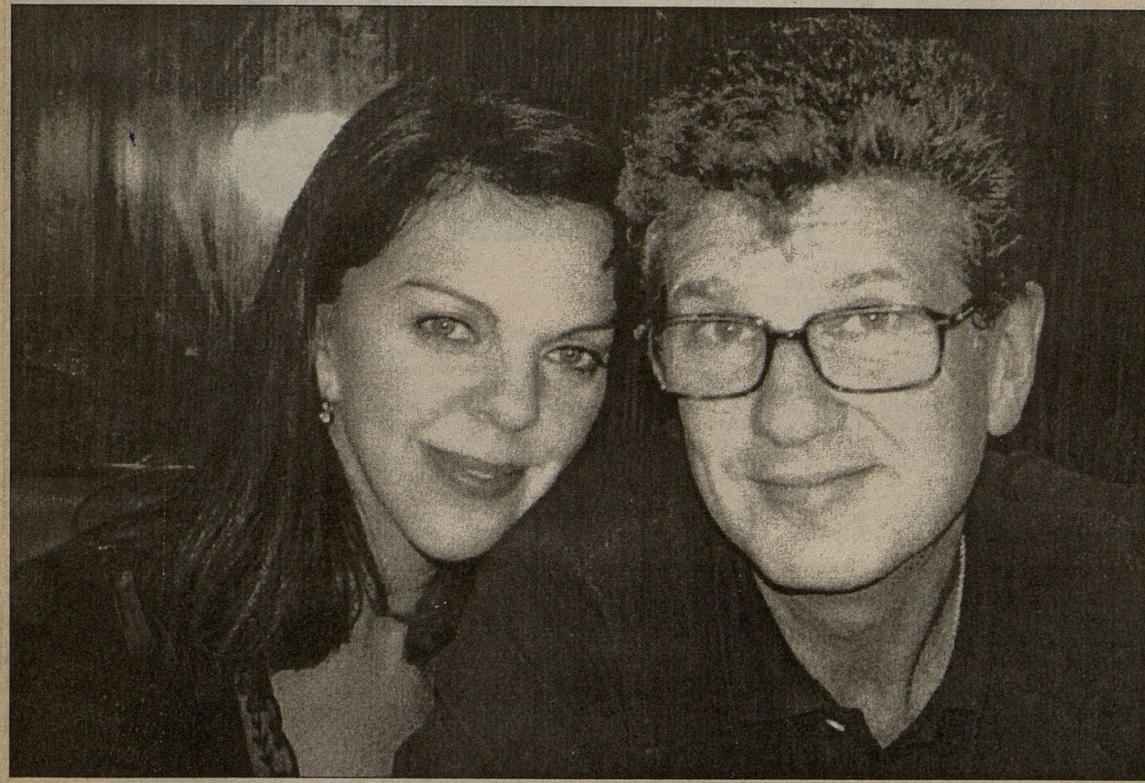
— Я очень люблю поэзию Пастернака. И прозу его очень люблю. У меня абсолютно классический набор: Чехов, Булгаков, Мандельштам, Бродский. Иногда читаю Блока. Вообще, к поэзии я пришел с годами.

— Разве вы не писали стихи в юности?

— Нет. Я писал прозу. В 14 лет. Роман. Это был роман обо всем — там было много сюжетных линий. Я записывал наблюдения за жизнью. Но так и не закончил, бросил.

— А сейчас нет желания возобновить или начать новый?

— Нет. Для этого нужен как минимум талант.

Игорь Костолевский и его жена Конусуло де Авиланд.

— О вас создается странное впечатление: вы не любите актерские «тусовки», не гоняетесь за ролями... Это очень редкие качества для актера сегодня. Скажите, а есть ли у вас друзья среди актеров?

— У меня есть партнеры, которых я уважаю, с которыми мне очень хорошо — они замечательные актеры. Есть приятели. Но иметь друзей в актерском мире достаточно трудно. А вообще, конечно, друзья у меня есть. Не много, но есть.

— За последнее время вы позавидовали чьему-либо актерскому успеху?

— Мою белую зависть вызывают спектакли Петра Наумовича Фоменко. Он работает так скрупулезно! Это у меня вызывает восхищение и огромное уважение. Фоменко занимается какими-то совершенно редкими вещами — он пытается восстановить исчезнувшую цивилизацию. Он возвращает, к чему у нас уже, к сожалению, потерял интерес. Петр Наумович — человек потрясающей культуры и эрудиции. На сегодняшний день для меня он — режиссер номер один. Когда сиелшь в зале на его спектаклях, то ты начинаешь уважать актерскую профессию. Также мне интересно бывать на спектаклях Сергея Арцибашева.

— Давайте переведем наш разговор на жизнь вообще. Что вас радует сегодня?

— Меня очень радует моя любовь. Я недавно женился, и у меня потрясающая жена. Ее зовут

Конусуло де Авиланд. Она французка. Актриса.

— Как вы с ней познакомились?

— Мы познакомились на спектакле «Арт» в Театре имени Пушкина. Вообще, Конусуло — человек очень талантливый и необыкновенный. Она играла здесь у Валерия Фокина в спектакле «Татьяна Репина». И еще она была эмигрантом Авиноньского театрального фестиваля в Москве. А в 1998 году она организовала приезд в Авинонь наших театров. Помимо прочего она пишет книги и очень любит Россию. Я считаю, что это подарок судьбы и я действительно по-настоящему счастлив.

— А в современном театре вас все устраивает?

— Меня не устраивает то, что очень много подмены и имитации. Мало подлинных чувств. А появление многочисленных сексуалов вызывает улыбку. Это совсем не наша традиция. И потому, у нас сразу — звезды. Мы, ничтоже сумняшеся, сразу выдаем эпитеты «звезда», «гениальный» и «выдающийся». Куда ни плюнь — все гениальные и выдающиеся.

— Времена выбирают своих героев. Если сегодня эти люди — герои, то такие времена. Это время ваше?

— Да, я его принимаю. Я не хочу его ругать. Более того, у меня нет никакой тоски по прошлому. Хотя там и моя молодость, и мои фильмы «Звезда пленительного счастья», «Безымянная звезда». И потому, я всегда говорю, что я —

человек второй половины жизни. Сегодня мне жить много интересней.

— А звонки поклонниц не омрачают существование?

— Нет. Я спокойно хожу по улице, в магазины. Я же не небожитель.

— Вам хорошо с самим собой?

— Я по сути человек рефлексивный, неуверенный, который всю жизнь преодолевал свою неуверенность. И отчасти мне это удалось. Дело в том, что мое поколение выросло на страхе: Я думаю, что страх — это то состояние, которое заставляло делать поступки, впоследствии оказывавшиеся постыдными. Я, наверное, всю жизнь занимался тем, что пытался преодолеть в себе этот страх. Это даже не страх, а какая-то внутренняя зыбкость.

— Что вы ждете от будущего?

— Во-первых, я хочу, чтобы были здоровы все мои родные и близкие. Это самое главное. Чтобы у моего сына, которому сейчас 18 лет, было все хорошо и он рос порядочным человеком. И чтобы все жили без тревог и потрясений.

— Расскажите, пожалуйста, о ваших планах.

— Очень хочется сыграть Кречинского у Сергея Арцибашева, с которым мы, на мой взгляд, замечательно работали в «Женитьбе» Гоголя. Будет продолжаться сериал «Самозванцы». Сейчас меня позвал Валера Фокин в Мейерхольдовский центр. Он будет ставить пьесу Антоне-

на Арто, где буду работать я и актер МХАТа Виктор Гвоздичкий. Там всего два действующих лица.

— Игорь Матвеевич, все-таки на кого из своих персонажей вы похожи? Какой вы на самом деле?

— Вы знаете, один очень известный телеведущий позвонил мне и говорит: «Игорь! Приходите ко мне на программу. Только, знаете, расскажите что-нибудь веселое, пошутите». Я отвечаю: «Хорошо. А вы «Женитьбу» видели?» Он говорит: «Да нет. Ну что я буду смотреть, это классическая пьеса...» Но про актера ведь много можно сказать по тому, что и как он играет. Это же своеобразный рентген. Да, конечно, есть персонаж, характер, но все равно присутствует личность человека. По этому можно очень точно догадаться о состоянии души человека, о том, что его волнует и тревожит. Поэтому все, что я рассказываю о себе — это правда, но не вся. Думаю, обо мне надо судить по тому, что я делаю на сцене. Или на экране. И это — самое главное.

— Получается, что человек Игорь Костолевский живет ради актера Игоря Костолевского?

— Я думаю, да. Все очень переплетено. Я, по сути, очень не люблю исполнительство. Нельзя просто выходить и играть. Мне нравится смотреть на артиста, который выходит заниматься делом. Я бы хотел себе пожелать, чтобы у меня всегда была возможность заниматься этим делом. Пока есть силы.